

РЕПУТАЦИОННОЕ ЯДРО РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ: ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО УРОВНЯ

Н. Н. Розанова

Смоленский государственный университет,
214000, Россия, Смоленск, ул. Пржевальского, 4

Поступила в редакцию 27.09.2022 г.
Принята к публикации 27.12.2022 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2023-1-4
© Розанова Н. Н., 2023

Значимость исследования репутации крупных институциональных политических субъектов связана, с одной стороны, со становлением единой системы публичной власти, с другой — с высокой социальной ориентацией категории репутации власти, отражающей ценностное отношение к власти граждан. Статья представляет результаты исследовательского проекта по изучению репутации российской власти. Рассматривается репутация ее уровней и ветвей на примере репутации региональной исполнительной власти. Ставится задача — определить особенности ее репутационного ядра, в том числе через сравнение с собирательной категорией «репутация российской власти», под которой понимается государственная и муниципальная власть Российской Федерации в целом. Основными стали методы социологического исследования — экспертная оценка и массовый опрос населения шести регионов Центральной России. Выявляются характеристики репутационного ядра с учетом его специфики в разных регионах. По результатам теоретического и эмпирического этапов исследования предложен авторский подход к определению структуры концептуального поля, единого для репутации российской и региональной исполнительной власти. Стержневая основа данного поля — многосоставное репутационное ядро. Определено преобладание интегрирующих признаков и характеристик в репутационном ядре российской и региональной исполнительной власти. Так, среди приоритетных репутационных характеристик как российской, так и региональной исполнительной власти выделяются честность, ответственность, справедливость, забота о народе, его защита. Установлено, что дифференцирующие признаки как таковые отсутствуют, меняется степень интенсивности проявления интегрирующих признаков для репутации региональной исполнительной власти. Ярче выражены ценностная основа отношения к власти, система ожиданий от власти, значимость личного опыта взаимодействия, восприятие власти по реальным делам. Репутацию региональной исполнительной власти отличает меньшая устойчивость характеристик ближней периферии и большая динамичность характеристик дальней и крайней периферии, особенно на уровне конкретных регионов.

Ключевые слова:

репутация власти, репутационное ядро, российская власть, региональная исполнительная власть, концепт, концептуальное поле

Введение

Отчуждение граждан от власти как характерная черта национальной социально-политической действительности [1, с. 552] актуализирует задачу наращивания внутривластного доверия (особенно в условиях внешнеполитических вызовов) в качестве основы для консолидации усилий государства и общества, преодоления

Для цитирования: Розанова Н. Н. Репутационное ядро российской власти: особенности регионального уровня // Балтийский регион. 2023. Т. 15, № 1. С. 52–77. doi: 10.5922/2079-8555-2023-1-4.

ценностного разрыва между властью и обществом, выстраивания партнерской модели их взаимодействия. Выступая одной из ключевых составляющих национального символического капитала, нематериальным ресурсом развития системы государственного и муниципального управления, репутация российской власти в существенной мере предопределяет как успешность политических, экономических и социальных позиций власти, так и в целом конкурентоспособность и эффективность развития государства. Исследователи отмечают наличие у граждан запроса на моральность в политике, создающую потенциал ценностного согласия между властью и обществом. Морально-нравственные принципы и нормы, обеспечивая социальную сплоченность общества, препятствуют отчуждению людей от власти и стимулируют их на участие в социальной жизни [2, с. 44–46].

Репутация, отражая ценностное отношение населения к власти, является своего рода ее «краеугольным камнем» [3, с. 50–56], одним из ее источников. Прочная репутация позволяет *использовать официальные полномочия без злоупотребления ими*, помогает применять власть, не нарушая сложившегося взаимного доверия [4]. Институт репутации в российском политическом пространстве находит свое отражение и в общественно-политическом дискурсе. Проблема формирования репутации, социальная ценность, важность как инструмента власти и влияния отмечается специалистами-практиками (см., напр., [5; 6]). «Эпоха репутации» определяет необходимость управления ею в государственном управлении в силу значимости развития демократических практик, с которыми связаны прозрачность, управление эффективностью и участие граждан, создающие положительную репутацию [7, р. 418].

Цель данной статьи — выявление особенностей репутационного ядра российской власти на региональном уровне (на примере региональной исполнительной власти) с учетом социально-экономического фактора его формирования в регионах РФ. Данная цель связана с решением фундаментальной научной проблемы — разработкой и обоснованием методологии исследования концепта «репутация российской власти», позволяющей в прикладном аспекте определить вектор наращивания потенциала внутривластного доверия и единства власти и общества.

Определение особенностей репутационного ядра региональной исполнительной власти проводится в рамках изучения единого концепта «репутация власти», под которым понимается репутация российской власти в целом (государственная и муниципальная власть Российской Федерации — концепт «репутация российской власти»), репутация различных уровней (федеральная, региональная, муниципальная) и ветвей (законодательная, исполнительная, судебная) российской власти (на примере репутации региональной исполнительной власти — концепт «репутация региональной исполнительной власти»). Заметим, что специфика репутационного ядра региональной исполнительной власти устанавливается в процессе сравнения с репутацией российской власти в целом.

Теоретические основы исследования

Основным научным подходом стал институциональный (неоинституциональный), актуализированный в качестве методологической парадигмы современной науки (и даже универсального интегратора разных дисциплин социального знания [8]) и изучающий политические явления и процессы с учетом взаимозависимости социальных и политических институтов [9]. В контексте проводимого исследования первоочередное значение имеет концепция институциональной логики (скорее, ее лингво-семиотического варианта [10, с. 127] — системы культурных элементов (ценности, убеждения, ожидания), которые задают вектор повседневной деятельности, позволяют осмысливать, оценивать и организовывать ее во времени и про-

странстве [11, р. 1—2]. Принципиальным является сдвиг фокуса исследований от анализа акторов к выяснению их интересов и предпочтений выбора [12, с. 209]. Легитимация действий связана с обоснованием собственного выбора и своей линии поведения в глазах других и общественного мнения [13, с. 126]. Как отмечает Ю. В. Ирхин, благодаря неoinституционализму можно вести речь о политических и иных институтах с более широких компаративистских, ценностных, этических и социологических позиций, видеть их внутренние причины и цели деятельности, определять качество институтов и возможности их трансформации [14, с. 38—39].

Среди направлений (нео)институционализма (см., напр., [15—17]) наиболее актуален для данного исследования социологический институционализм. Институты в социологическом понимании являются метарепрезентациями — не только репрезентациями объектов в человеческом мозге, но и репрезентациями репрезентаций, укорененными в установках [18, с. 120]. Рациональность социально сконструирована и культурно и исторически обусловлена. Она определяется институтами, рассматриваемыми как нормы, когнитивные рамки и системы значений, которые направляют человеческие действия, формируют идентичность, а также культурные сценарии и схемы, служащие символическим целям, а не просто утилитарным [19, р. 125—126]. Для социологического институционализма в качестве объяснительной модели характерны более гибкие категориальные схемы, позволяющие уточнять используемые концепты, разрабатывать новые, фиксирующие те феномены эмпирической реальности, которым прежде не придавалось существенного значения [20, с. 40]. М. Ю. Барбашин отмечает, что неoinституциональный анализ должен обнаружить «спрятанные институты» и раскрыть их позитивный потенциал для сообществ [21, с. 100]. При этом особую роль приобретают неформальные институты: «Их наличие в одних обществах и отсутствие в других в конечном итоге определяет, будут ли достигнуты сотрудничество и координация, а также обеспечен рост благосостояния... Формальные институты имеют значение, но неформальные институты правят» [22].

К таким неформальным, своего рода «спрятанным институтам» можно отнести и репутацию, которая в нашей стране только приобретает институциональную форму. Прежде всего становление института репутации связано с развитием деловой среды (см., напр., [23; 24]). В гражданском [25—27] и служебном праве [28] он приобретает формальные основания. В то же время, несмотря на наличие спектра российских исследований репутации в социально-политическом контексте в целом и репутации политических субъектов в частности (работы М. Г. Анохина, И. С. Важниной, А. Р. Галлямова, Н. Е. Гранкина, О. Е. Гришина, Е. В. Коган, А. Ю. Кошмаров, З. Р. Мингазовой, А. Э. Рудаковой, Л. Н. Тимофеевой, А. Ю. Трубецкого, Н. В. Устиновой, И. Г. Харламова и др.), требует своего дальнейшего изучения репутация российской власти как многосоставного институционального субъекта, особенно в свете конституционной новеллы о единстве публичной власти [29].

Автором предпринимается попытка разработки и обоснования методологии репутационного подхода к изучению российской власти¹. Основная цель создания институтов — возможность агрегирования социальных интересов, упорядочение общественных связей и обеспечение политической стабильности [31, с. 139]. Отношение общества к политическим институтам и системе власти в целом не просто влияет на политическую стабильность, а выступает индикатором устойчивости политической системы [32, с. 171]. Репутацию можно рассматривать в качестве интегрального показателя социальной эффективности власти, обеспечивающего политическую стабильность.

¹ См., напр., [30].

Репутационный подход реализуется при изучении политической элиты, построении рейтингов репутации политиков, стран мира. Например, рейтинг репутации стран мира проводится международной консалтинговой компанией RepTrak Company на основе изучения общественного мнения. В отдельный блок критериев выделена эффективность правительства [33, р. 63]. Первым репутационный метод для изучения правящей элиты применил американский социолог Флойд Хантер. Субъекты власти определяются посредством экспертных оценок по их репутации, то есть по субъективному мнению людей о позиции конкретного лица в системе власти, о его возможностях влиять на политические процессы в общности, принимать стратегические решения. Так, например, для выявления ключевых источников репутации норвежских мэров проводились интервью как с ними, так и с их партнерами по работе и представителями оппозиционных партий [34]. Репутационный метод используется и российскими исследователями (см., напр., [35]). В отечественной практике рейтинг репутаций губернаторов публикует сервис измерения репутации PRAVDASERM².

Международный опыт изучения репутации власти преимущественно основан на подходах, транслируемых на весь государственный сектор (public sector reputation, public agencies, public organisations) в его широком понимании, включая и органы власти. Используется понятие так называемой бюрократической репутации (bureaucratic reputation), об отсутствии в литературе единого определения которой говорит Эдгар О. Бустос [36]. Основными методами являются социологические [37—42], при этом исследователи отмечают недостаточность эмпирических исследований [43]. Изучаются различные аспекты репутации власти: репутационные стратегии в политике отдельных государств [44], применение репутационного подхода для изучения регулирующих органов Европейского союза [45], управление репутацией антикоррупционных агентств [46], влияние репутации на осуществление контроля административной политики и подотчетность представительным органам [47], связь между эффективностью антикризисных коммуникационных стратегий организаций сферы публичного управления и мнением граждан об их репутации [48], зависимость репутации правительственных учреждений от восприятия не только внешней, но и внутренней аудитории — государственных служащих [49] и др.

Изучение репутации власти представляется актуальным и с позиции исторического институционализма, одним из ключевых понятий которого является «траектория предшествующего развития» (path dependency) институтов [19]. Ее образует комплекс препятствующих формированию политического в России, возникновению политики современного типа институциональных проблем, среди которых — наличие институциональных ловушек [50, с. 20; 51]. Неформальные правила лежат в основе социальной инерции [52, с. 97]. Выступая неформальным ценностным институтом, репутация власти позволяет судить о степени либо углубления, либо ослабления действия «эффекта колеи» в развитии той или иной территории [53, с. 156]. Одна из причин поддержки в России bad governance — «недостойного правления», рассматриваемого как «колея» (укорененная в русской истории неэффективная государственная машина), — унаследованная «культурная матрица» [54, с. 96—97]. Ее частью является репутация как своего рода ценностное измерение власти. Положительная репутация определяет высокую поддержку деятельности власти и ее идентификацию («это моя / наша власть»). Репутацию российской власти можно рассматривать в контексте изучения политической идентичности как соотнесенности граждан с политическими институтами, их вовлеченности в по-

² PRAVDASERM. Сервис измерения репутации, URL: <http://pravdaserm.com> (дата обращения: 05.09.2022).

литико-институциональное взаимодействие, утверждение которой происходит в процессе выбора, при сопоставлении собственных представлений о приоритетах общественного развития с идейными ориентирами и целями политических акторов [55, с. 7–8]. Хорошая репутация дает возможность идентифицировать субъект с помощью ценностей / идентичностей, обладающих сильной социальной легитимностью [34].

Методы исследования

Основной метод построения рабочей модели репутации власти — концептуальный анализ [56]. Эмпирическая апробация данной модели проходила в два этапа. Последовательно, в течение августа — ноября 2021 г. были проведены экспертный анкетный опрос [57–62] (N = 15, ведущие ученые и практики в области политологии, социологии, связей с общественностью, выборка по типу «снежного кома»³) и массовый опрос населения шести регионов Центрального федерального округа Российской Федерации (N = 1500 человек, выборка гнездовая, квотирована по полу, возрасту, территории проживания, по данным Росстата⁴, ошибка выборки — 2,53 %).

Выбор регионов связан с задачами изучения зависимости содержания концепта «репутация власти» от уровня их социально-экономического развития: выделены регионы, сопоставимые территориально (в рамках одного федерального округа, исключая столичный регион) и по основным параметрам развития: Смоленская, Брянская и Орловская области (средний уровень развития, по ряду параметров ближе к низкому; низкая динамика) и Белгородская, Калужская и Липецкая области (высокий уровень развития; высокая динамика). Поскольку уровень развития регионов — условный синтетический критерий, то по результатам изучения многообразия классификаций регионов, с учетом объективной сложности однозначного выбора одной из них и исходя из целей исследования, сопряженных с мониторингом и оценкой успешности проведения властью региональной политики, отбор основывался на комплексном анализе их позиций в региональных рейтингах [63, с. 30], ориентированных на социальные приоритеты⁵.

³ Среди экспертов — ученые МГУ им. М.В. Ломоносова, НИУ ВШЭ, РАНХиГС при Президенте РФ, РУДН (RUDN University), Финансового университета при Правительстве РФ, Института социологии ФНИСЦ РАН и др. (10 докторов и кандидатов наук), руководители и члены профессиональных ассоциаций, исследовательских центров, эксперты, политконсультанты, политтехнологи (РАПН, РАПК, ИНСОМАР, РАСО, «Международный пресс-клуб», ЦИК «Рейтинг», ИнтерМедиаКом Исследовательский центр «Дискурс», ООО «Центр политического анализа») со средним опытом работы 15–20 лет.

⁴ Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2021 года, 2021, *Статистический бюллетень*, URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_chislen_nasel-рv_01-01-2021.pdf (дата обращения: 02.08.2021) ; Численность постоянного населения в среднем за год, *ЕМИСС, государственная статистика*, URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31556> (дата обращения: 02.08.2021).

⁵ Рейтинг регионов РФ по качеству жизни — 2021, 2022, *РИА Рейтинг* URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2021.pdf (дата обращения: 10.04.2021) ; Рейтинг социально-экономического положения регионов по итогам 2020 г., 2021, *РИА Рейтинг*, URL: <https://riarating.ru/regions/20210531/630201367.html> (дата обращения: 05.06.2021) ; Рейтинг регионов по уровню благосостояния семей — 2020, 2021, *РИА Новости*, URL: <https://ria.ru/20210615/blagosostoyanie-1736684198.html> (дата обращения: 20.06.2021) ; Индекс человеческого развития в России: региональные различия, 2021, 2021, Аналитический центр при Правительстве РФ, URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/analitika/2022/_2021_short.pdf (дата обращения: 10.04.2022).

Результаты исследования

В рамках настоящей статьи представим результаты проверки следующих рабочих гипотез исследования.

1. Ядро концепта «репутация власти» едино для концептов «репутация российской власти» и «репутация региональной исполнительной власти». Содержание концептов может различаться в части периферийных признаков, которые зависят от особенностей деятельности определенного уровня / ветви власти. Важно определить степень тождественности концептов: ядро и периферия; интегрирующие и дифференцирующие признаки, структурирующие поле концепта (интегрирующие признаки формируют ядро концепта — «репутация власти»; дифференцирующие зависят от уровня и ветви власти).

2. Содержательно единый концепт «репутация власти» состоит из двух принципиальных блоков. Институциональный включает качественные характеристики власти, исходящие из ее предназначения — служение народу (интегрирующая характеристика блока). В составе деятельностного блока — функциональные характеристики, которые отражают предмет и основные направления деятельности власти, ее результативность / эффективность (интегрирующая характеристика блока). Данное, впрочем довольно условное разделение, позволяет определить степень значимости ценностного (институциональный блок) или прагматического (деятельностный) содержания репутации. Делается предположение о том, что содержание концептов «репутация российской власти» и «репутация региональной исполнительной власти» едино в части выделения обозначенных блоков.

3. Уровень развития региона Российской Федерации может оказывать влияние на существенные признаки и содержание концептов.

1. Структура концептуального поля репутации власти.

Для концепта «репутация власти» предложена единая структура информационного поля, характерная как для репутации российской власти в целом, так и для репутации региональной исполнительной власти. Она определена общими принципами семантико-когнитивного подхода к изучению концептов З.Д. Поповой и И.А. Стернина⁶. Логика проводимого исследования, а также определенная доля свободы в части моделирования концептов, особенно при изучении новых, ранее не определенных концептов, позволили с известной долей условности выделить в структуре концепта два ядра:

— базовое, которое составляет смысловое поле концепта «репутация», включает категориальную основу (дефиницию имени концепта «репутация») и околядерную зону (существенные признаки репутации). В данном случае мы хотели подчеркнуть двуслойность самого феномена репутации. В более традиционном понимании околядерную зону следует выделить в качестве самостоятельного «слоя», тогда ее следует рассматривать как полупериферию;

— содержательное, которое включает содержательные характеристики концепта; фактически его можно рассматривать как периферию по отношению к базовому ядру. В нем выделяется основа — наиболее значимые / приоритетные содержательные характеристики репутации власти. Они относительно устойчивы в силу их разделения большинством, составляют ближнюю периферию базового ядра. Дальняя периферия — менее значимые динамичные содержательные характеристики, которые больше подвержены многофакторному влиянию. Также можно выделить крайнюю периферию — характеристики, имеющие еще меньшую значимость и при этом большую «подвижность».

⁶ В структуре концепта выделяются три компонента: чувственный образ, информационное содержание и интерпретационное поле [64, с. 74—81]. Рассматривается информационный компонент концепта, включающий основные, наиболее важные отличительные черты.

В концептуальное поле по результатам экспертной оценки были включены историко-культурные характеристики, составляющие особенности национальной модели государственности и формирующиеся под влиянием макрополя концепта «российская власть». На настоящий момент — это рабочий, требующего дальнейшего изучения структурный элемент поля.

2. *Степень единства концептов «репутация российской власти» и «репутация разных уровней и ветвей российской власти».*

Прежде чем перейти к содержательному «наполнению» ядра региональной исполнительной власти, рассмотрим принципиальную степень тождественности концептов. Как экспертам, так и населению был задан соответствующий вопрос: «Можно ли сказать, что указанные выше концептуальные признаки (для массового опроса населения — характеристики) в равной степени могут относиться ко всем уровням и ветвям российской власти?» Поясним, что эксперты до этого выделили сущностные признаки и содержательные характеристики применительно к репутации российской власти. Соответственно, они легли в основу того перечня характеристик, который был предложен для выбора населению пилотных регионов ЦФО РФ. Далее он будет представлен в части сравнения содержания репутации региональной исполнительной и российской власти (см. п. 5).

В массовом опросе населения 82 % респондентов согласились с тем, что определенные ими характеристики репутации российской власти в целом относятся к репутации разных ее уровней и ветвей. Для экспертов вопрос был открытым, с возможностью соответствующих комментариев в части наличия интегрирующих и дифференцирующих признаков, специфичных для различных уровней и ветвей власти.

Подавляющее большинство экспертов склонно однозначно транслировать признаки, характеристики репутации российской власти на разные ее ветви и уровни («выделенные характеристики вполне универсальны»). Крайнюю позицию высказал только один эксперт: «Нет, на всех уровнях присутствует своя специфика, в зависимости от уровня и направления деятельности».

Среди обосновывающих единство тезисов экспертов выделяют следующие: «поскольку природа власти одинакова вне зависимости от ее ветви или уровня», «поскольку стиль политического поведения властей транслируется с вышестоящих уровней власти на нижестоящие». Существенным аспектом, по мнению экспертов, является восприятие гражданами на бытовом уровне власти как единого целого («это общие требования граждан к системе управления страной во всех уровнях власти, «особой дифференциации в зависимости от уровня граждане не проводят»). Также обозначим мнение одного из экспертов о единстве понимания в силу наличия общей, конституционно закрепленной системы публичной власти и высокой зависимости от главы государства: «Сейчас в Конституции ввели термин публичная власть. Суть в том, что населению все равно, кому вы подчиняетесь, к кому относитесь, — вы выступаете от лица власти, вы те, которые подчиняются Путину и все. Для населения условно то, что вы говорите, говорит Путин. Поэтому разделения у населения нет на региональную, федеральную, муниципальную власть, федеральные подразделения в регионах, госкорпорации и т. д. По большому счету это им не надо. Это люди, которые принимают решения об их жизни, и это все власть».

В качестве интегрирующих признаков были названы историко-культурные характеристики (такие, например, как патернализм, персонификация, высокая дистанция власти и др.), единое поле деятельности субъектов власти (общая система безопасности, финансов, внешней политики). Эксперты уточнили интегрирующие признаки в части выделенных ранее характеристик (например, легитимность, ответственность, честность; «результативность и эффективность касается всех уровней власти и всех видов власти»).

Теперь перейдем к дифференцирующим чертам. Ряд экспертов отметили, что проявление характеристик репутации, степень их глубинности, смысловое наполнение могут различаться («характеристики в значительной степени относятся ко всей власти, но глубинная легитимность, сила, справедливость требуются от федерального уровня»). Это различие в том числе связано с особенностями полномочий. Среди дифференцирующих признаков названы следующие: «у региональных властей больший акцент на местную и прежде всего социальную проблематику, привязка к региональной идентичности и локальному самосознанию и поддерживающему его типу политической культуры»; разница в степени взаимодействия с гражданами (открытая / закрытая система), открытости и отзывчивости («чем ближе по вертикали к населению, тем открытее и отзывчивее»), прозрачности и степени ответственности («власть на местах признает за собой ответственность»).

Отдельные эксперты определили различие в части источников формирования репутации: «о работе местных органов власти отзываются на основании опыта, как правило, личного взаимодействия». Определена и разница в оценке («относятся лучше к самому высшему (президенту) и самому низшему звену (уровень района, муниципалитета), относимся хорошо к тем, кого мы максимально не видим и кого мы максимально видим»). Выделены особенности репутации, определенные спецификой развития региона: инвестиционная привлекательность, репутация кадров, бизнес, культура, спорт и т.п.; система кадрового формирования, методы влияния на элиты, население. Полагаем, что данные дифференцирующие признаки относятся скорее к факторам, процессу формирования репутации, оценке, то есть к интерпретационному полю концепта.

Таким образом, можно сделать эмпирически обоснованный вывод о преобладании в структуре единого концепта «репутация власти» интегрирующих признаков и характеристик при наличии ряда дифференцирующих, связанных с особенностями разных уровней и ветвей власти.

3. *Степень единства концептов «репутация региональной исполнительной власти» и «репутация российской власти».*

Учитывая ранее представленные результаты, тем не менее в силу задач исследования, связанных с выявлением особенностей репутационного ядра региональной исполнительной власти, представим экспертное мнение о специфике последней. Экспертам был задан соответствующий вопрос: «Имеются ли, на ваш взгляд, черты, характеристики или аспекты, специфичные для репутации региональной исполнительной власти?» и вопрос на уточнение: «Можно ли, на ваш взгляд, утверждать, что понятия “репутация российской власти” и “репутация региональной исполнительной власти” тождественны?»

Отмечена высокая степень принципиального единства в понимании исследуемых концептов: большая часть экспертов определила высокий уровень тождественности, другие отметили как сходства, так и различия. Приведем примеры формулировок сходства (помимо ранее перечисленного, относящегося ко всем уровням и ветвям российской власти, применимого и к репутации региональной исполнительной власти): «это все власть»⁷, «воспринимается на обобщенном уровне как власть вообще и “проводник воли Москвы”»; «понятия постепенно начинают сливаться в восприятии граждан вследствие эффектов единой властной вертикали». Также в контексте единства концептов было высказано мнение о том, что «репутация предполагает высокие морально-нравственные характеристики представителей власти скорее, чем профессиональные».

⁷ В данной связи можно вспомнить изречение Т. Гоббса: «Репутация власти и есть сама власть».

Специфика, характерная для репутации региональной исполнительной власти:

— более высокая степень персонификации («все зависит от губернатора, мнение о региональной власти складывается по личности губернатора», «репутация российской власти — мы говорим: репутация президента, вообще команды Президента, когда мы говорим: репутация региональной власти, мы имеем в виду команду губернатора»). В то же время возможна специфика в оценке репутации, связанная с особенностями исторически сложившегося восприятия власти: «происходит перенос объекта критики на более высокий уровень (подъезд не покрасили — виноват президент страны)»;

— специфика полномочий — «одни отвечают за страну, другие должны заниматься нашими, местными делами»;

— большая связь с местными проблемами, на региональную власть больше ложится запросов о текущем состоянии дел (например, благоустройство, дорожные работы, обеспечение достойного функционирования медицинских учреждений и др.), что определяет повышенные ожидания, требования, большую ответственность региональной власти в плане репутационных рисков. При этом региональная власть не имеет достаточно полномочий и ресурсов для решения проблем региона («основные решения принимаются в Москве — на федеральном уровне»);

— для региональной исполнительной власти часть характеристик выражена более ярко: «региональная власть зарабатывает репутацию скоростью, прозрачностью и эффективностью», «она в большей степени досягаема»; «ожидания в адрес региональной власти включают высокие требования в отношении ее коммуникативных характеристик; «от губернатора и других представителей региональной власти ожидается способность слышать население, быть с ним на одной волне»; «региональная власть может восприниматься не только виртуально, но и реально, по реальным делам»;

— зависимость от особенностей региона («связаны с географией, национальной идентичностью, культурой, в том числе с религией, социально-экономическими особенностями региона»);

— дихотомия «свой — чужой»: проявляется в потребности «своего» руководителя («губернатор может быть родом из этих мест, свой — это значит понятный и предсказуемый, понимающий местных людей и озабоченный теми же ценностями»); в ожидании регионального «патриотизма» («лучше представлять интересы региона на федеральном уровне, быть эффективным лоббистом»); от региональных властей требуют, как правило, защиты интересов региона в большей степени, чем от федеральных, федеральная власть не воспринимается как «своя», «местная».

— взаимоотношения с местными элитами («для региональной власти важно умение выстраивать неформальные отношения со своими элитами, прежде всего бизнес-элитой, не ради личной выгоды, а ради общественного блага»).

Заметим, что перечисленные дифференцирующие признаки и характеристики в значительной степени также связаны с интерпретационным полем концепта (факторами, источниками формирования репутации, ее оценкой), тем не менее ряд из них свидетельствует об определенной степени различия в части собственно признаков и характеристик базового и, особенно, содержательного ядра концептов. Перейдем к их уточнению.

4. *Степень единства базового ядра концептов «репутация региональной исполнительной власти» и «репутация российской власти».*

По результатам изучения научно-теоретических подходов и на основе экспертного мнения было определено содержание базового ядра концепта «репутация российской власти». Его категориальную основу составляют мнение,

оценка, отношение, восприятие / образ, представление населения о власти. В околоядерную зону вошли следующие сущностные признаки репутации: доверие как основной признак, устойчивость, длительность формирования, наличие опыта взаимодействия, оценка на основе реальных действий, поведения, поступков власти; ценностное отношение к власти; система ожиданий, представлений о степени соответствия реальной власти ее должному / идеальному варианту. Данные признаки также нашли преобладающую поддержку в общественном мнении.

Полагаем, что базовое ядро является единым для концепта «репутация власти», который включает репутацию российской власти в целом и репутацию различных ее уровней и ветвей. Соответственно, представленное содержание данного ядра в полной мере относится и к репутации региональной исполнительной власти. Данный вывод связан со следующими положениями, полученными по результатам как теоретической, так и эмпирической части исследования:

— базовое ядро составляет смысловое наполнение категории «репутация», которая является единой для обоих концептов; фактически меняется только ее условное преломление к субъекту — носителю репутации — не российской власти в целом, а региональной исполнительной власти, при прежнем объекте — населении как носителе мнения о ее репутации;

— эмпирически обоснован тезис о преобладании в структуре концепта «репутация власти» единых интегрирующих признаков и характеристик. Экспертное мнение (п. 2, 3) относительно базового ядра не выявило дифференцирующих признаков. Указания на разницу в сущностных признаках репутации связаны со степенью их выраженности на региональном уровне в части возможности личного опыта взаимодействия с местными властями, восприятия власти по реальным делам, более требовательной системы ожиданий от власти, ярко выраженной ценностной основы отношений («своя» власть).

Представленные положения также соотносятся с результатами исследования концепта «власть», структурируемого пятью наиболее значимыми сферами общественного сознания, применительно к каждой из которых существует соответствующее когнитивное микрополе. Данные микроконцепты структурируют общее когнитивное макрополе «власть», базовый слой (ядро и приядерная зона) каждого микроконцепта имеет идентичное содержание [65, с. 123—124]. В определенной степени концепты репутации власти разных уровней и ветвей, в том числе региональной исполнительной власти можно соотнести с микроконцептами единого макрополя «репутация российской власти».

5. Степень единства содержательного ядра концептов «репутация региональной исполнительной власти» и «репутация российской власти».

Для возможности сравнения коротко обозначим наполнение содержательного ядра репутации российской власти. На рисунке 1 представлены его характеристики с их группировкой в институциональный и деятельностный блоки⁸. Также выделена основа данного ядра: приоритетные характеристики репутации — ближняя периферия базового ядра — и менее значимые — дальняя и крайняя периферии. Все эти характеристики были предложены в едином перечне населению регионов ЦФО РФ с формулировкой: «Выберите 5—7 наиболее значимых для вас характеристик, которые создают репутацию российской власти».

⁸ Заметим, что выделение данных блоков соотносится с тремя измерениями репутации, предложенными зарубежными учеными [66], при этом институциональный блок соответствует социальному измерению, деятельностный — функциональному, значимость эмоционального измерения (на примере внешнего образа власти) как при экспертной оценке, так и по результатам массового опроса населения (см. табл. 2, с. 65) подтверждена не была.

Рис. 1. Содержательное ядро концепта «репутация российской власти»

В результате экспертное и общественное мнение (выбор более половины опрошенных) совпали по приоритетности четырех из семи определенных экспертами характеристик: честность; ответственность; справедливость; забота о народе, его защита. Эксперты также выбрали легитимность власти, законность; открытость, прозрачность; результативность / эффективность. Дальнюю периферию составили характеристики, значимые для четверти и более опрошенных, остальные были отнесены к крайней периферии.

Обратимся к международному опыту изучения репутации, наиболее актуальному в данном контексте. Собственно эмпирических исследований содержания репутации на примере крупных институциональных субъектов власти автору найти не удалось. Финский ученый В. Луома-ахо по результатам изучения репутации 12 организаций сферы Министерства социальных дел и здравоохранения Финляндии выделила репутационные факторы, отнесенные к четырем группам по функциональному признаку: властные и регуляторные функции, законодательство, исследования и полукommerческие функции. Заинтересованные стороны в форме анкетного опроса оценивали параметры репутации в виде контрастных тезисов, например закрытость — открытость, безответственность — ответственность и т. д.

(всего 40 характеристик), по балльной шкале. По результатам обработки данных были выделены пять репутационных факторов, подлежащих измерению: авторитет, доверие, обслуживание, уважение и эффективность. Далее на основе оценки выстраивались репутационные профили групп организаций [37]. Доверие является сущностной чертой репутации российской власти (околоядерная зона базового ядра). Обслуживание (услуги населению) и эффективность — содержательные характеристики ближней и крайней периферии. Ряд параметров репутации, рассматриваемых в анкетном опросе, также соотносится с характеристиками репутации российской власти. Таким образом, есть зоны репутации, имеющие единое смысловое наполнение.

Д. Ли и Г. Ван Ризин разработали шкалу бюрократической репутации (Bureaucratic Reputation Scale, BRS). В ее основе лежит теоретическая конструкция, предложенная Д. Карпентером, применившим организационную репутацию к государственному управлению [38]. Она состоит из четырех измерений: репутации производительности (способность эффективно достигать целей), моральной репутации (этическое поведение, следование моральным обязательствам), репутации процедуры (справедливость процессов, используемых для принятия решений) и технической репутации (компетентность). Д. Ли и Г. Ван Ризин дополнили ее пятым измерением — общей репутацией (отражает общее чувство или отношение к субъекту). Эмпирическое исследование было проведено на примере трех федеральных агентств США⁹. Для оценки каждого из репутационных измерений респонденты должны были выразить степень своего (не)согласия с шестью утверждениями (например, в моральном измерении — тезис «Это агентство, похоже, коррумпировано»). Тридцать характеристик, составляющих измерения репутации, определялись по результатам экспертного опроса. Американские граждане только оценивали их уровень для каждого федерального агентства [40]. Содержательное наполнение репутационных измерений в значительной мере можно соотнести с выявленными нами репутационными характеристиками российской власти. Однако заметим, что в данном исследовании не было задачи понять, в какой степени для населения данные характеристики вообще имеют значение и формируют ли они репутацию, происходила только их оценка.

Представляется, что имея безусловную пользу с точки зрения разработки методологии, осознания наличия схожих характеристик, по сути своей составляющих содержание репутации как междисциплинарного феномена, результаты подобных исследований лишь углубляют понимание необходимости изучения собственной специфики, особенно с учетом особенностей восприятия граждан, чье мнение о репутации и формируется.

Вернемся к содержанию репутации региональной исполнительной власти. На основе экспертного мнения (п. 2, 3) можно заключить следующее. Как и в части «наполнения» базового ядра, выявлено принципиальное единство концептов «репутация российской власти» и «репутация региональной исполнительной власти».

В то же время определена иная, более яркая степень выраженности ряда характеристик, относящихся как к ближней, так и к дальней периферии, что, соответственно, повышает степень их значимости по сравнению с характеристиками репутации российской власти в целом. В частности, это касается таких из них, как открытость, прозрачность; близость к народу, отзывчивость; коммуникация, взаимодействие с населением; ответственность; защита интересов региона (и граждан, соответственно). На уровне региональной исполнительной власти они более «насыщены». Так-

⁹ Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов (FDA), Национальное управление по авиации и исследованию космического пространства (НАСА) и Налоговое управление США (IRS).

же в силу большей связи с региональными проблемами, необходимости особого внимания к состоянию дел на местах ярче выражена интегрирующая характеристика деятельностного блока — результативность / эффективность власти. И наоборот, по мнению экспертов, некоторые характеристики имеют более глубокий смысл на федеральном уровне (допустим, легитимность, сила, справедливость).

Таким образом, по результатам экспертного мнения, содержательно ядро репутации региональной исполнительной власти по сравнению с репутацией российской власти не поменялось, но приобрело иную смысловую наполненность в части интенсивности выраженности ряда характеристик.

Перейдем к рассмотрению общественного мнения. Населению для выбора содержательных характеристик репутации региональной исполнительной власти был предложен тот же перечень, что и для характеристик репутации российской власти в целом (табл. 1). В столбце «средний % по регионам» для удобства сравнения в скобках представлено значение среднего процента выбора респондентами характеристик репутации российской власти.

Таблица 1

Содержательные характеристики репутации региональной исполнительной власти, значимые для четверти и более опрошенных, в среднем и в разрезе регионов, %

Характеристики репутации региональной исполнительной власти	Средний % по регионам	Белгородская область	Калужская область	Липецкая область	Брянская область	Орловская область	Смоленская область
1. Честность	49,8 (58,3)	58,2	47,2	39,1	51,3	48,8	50,2
2. Ответственность	49,2 (52,1)	54,0	50,7	45,6	46,5	50,6	46,0
3. Забота о народе, его защита	47,7 (53,8)	49,4	47,6	44,4	45,8	56,0	45,1
4. Справедливость	47,5 (52,8)	54,0	44,6	44,4	49,1	45,2	43,2
5. Близость к народу, понимание нужд и чаяний народа, отзывчивость	43,3 (41,5)	42,7	51,1	46,0	38,5	48,2	35,2
6. Выполнение обещаний — соответствие слова и дела	36,8 (41,0)	33,1	45,0	31,8	37,0	35,7	40,8
7. Коммуникация, взаимодействие с населением	35,2 (29,4)	34,7	42,9	37,2	28,9	31,5	36,2
8. Открытость, прозрачность	29,2 (31,2)	28,2	25,1	30,7	32,6	25,0	32,4
9. Сила власти	27,5 (29,9)	33,6	13,4	34,5	29,7	18,5	28,6
10. Профессионализм, компетентность	27,3 (28,7)	21,2	37,2	25,7	28,2	24,4	29,9
11. Создание условий для достойной жизни (доходы населения / рабочие места / инфраструктура / демография / здравоохранение / образование / дороги / комфортная среда и т.п.)	27,1 (27,5)	26,6	39,0	23,8	21,6	27,4	25,7
12. Неподкупность власти (отсутствие коррупции)	25,5 (31,7)	22,9	32,5	20,3	23,4	28,6	28,5
13. Служение народу, нравственные ценности / ориентиры власти	23,8 (22,8)	22,6	19,9	26,8	24,2	26,8	23,4
14. Эффективность управления ресурсами, расходования бюджетных средств	22,7 (17,8)	19,8	25,5	25,7	22,0	22,0	22,0

Источник: рассчитано автором на основе данных массового анкетного опроса населения регионов ЦФО, 2021 г.

В общественном мнении так же принципиально сохраняется распределение характеристик репутации региональной исполнительной власти в части их разделения на ближнюю, дальнюю и крайнюю периферию (см. также рис. 1), что свидетельствует о наличии высокой степени единства содержательного ядра исследуемых концептов.

В то же время существуют и особенности восприятия репутации региональной исполнительной власти, которые проявляются в следующем:

— в целом на данном уровне власти присутствует большая равномерность в распределении характеристик по степени их значимости, что сказывается на некотором снижении устойчивости приоритетных характеристик и повышении динамичности характеристик дальней и крайней периферии (табл. 2);

— усиливается проявление особенностей выбора в каждом конкретном регионе, при этом зависимость от разнорядности регионов по-прежнему (как и в случае с репутацией российской власти) отсутствует.

Таблица 2

Содержательные характеристики репутации региональной исполнительной власти, значимые для менее четверти опрошенных, в среднем и в разрезе регионов, %

Характеристики репутации региональной исполнительной власти	Средний % по регионам	Белгородская область	Калужская область	Липецкая область	Брянская область	Орловская область	Смоленская область
15. Качество оказываемых населению услуг	20,1 (17,4)	19,2	25,5	11,5	20,5	28,6	18,7
16. Ориентация власти на развитие региона (страны)	18,5 (13,8)	26,6	29,4	12,3	15,0	26,8	16,8
17. Оперативность принятия решений	17,9 (10,3)	15,3	22,1	14,9	17,6	19,1	20,6
18. Результативность деятельности, достижение поставленных целей, эффективность	17,7 (14,9)	14,1	20,8	21,1	17,6	17,9	16,4
19. Легитимность власти, законность действий	15,3 (16,7)	16,1	14,3	17,6	16,1	13,7	12,1
20. Готовность власти к решению кризисных ситуаций	13,4 (13,3)	14,7	15,6	12,3	13,2	16,7	7,9
21. Внешний образ власти: внешний вид служащих / зданий / интерьер и т. п.	5,3 (3,7)	4,8	6,1	4,6	5,9	6,0	4,7

Источник: рассчитано автором на основе данных массового анкетного опроса населения регионов ЦФО, 2021 г.

Как и в экспертной оценке, проявляется иная интенсивность, степень значимости ряда характеристик по сравнению с содержанием репутации российской власти. Особое внимание обратим на такую характеристику, как близость к народу, понимание нужд и чаяний народа, отзывчивость. В трех регионах (Калужская, Липецкая, Орловская области) она имеет больший вес по сравнению с четырьмя приоритетными. Полагаем, что на этом основании ее можно также рассматривать в числе приоритетных для данных регионов. В визуализации репутационного ядра региональной исполнительной власти (рис. 2) данная характеристика отнесена к переходной между ближней и дальней периферией. При этом такая характеристика, как эффективность управления ресурсами, расходу-

вания бюджетных средств, в силу ее выбора четвертью (с учетом погрешности) опрошенных перенесена по сравнению с репутацией российской власти из крайней периферии в дальнюю.

Обратим также внимание на наиболее существенные изменения (5–7 %) в восприятии населением значимости характеристик дальней и крайней периферии содержательного ядра репутации региональной исполнительной власти по сравнению с российской властью (в среднем по регионам):

— в части дальней периферии это коммуникация, взаимодействие с населением (более значима прежде всего для Калужской области), выполнение обещаний и неподкупность власти (менее значима, особенно для Липецкой области);

— среди характеристик крайней периферии возросла роль таких из них, как качество оказываемых населению услуг (для Калужской и Орловской областей их можно отнести к дальней периферии), ориентация власти на развитие региона (также дальняя периферия для Калужской, Орловской и Белгородской областей), оперативность принятия решений, результативность / эффективность деятельности.

Заметим, что подробное рассмотрение специфики выбора содержательных репутационных характеристик на уровне отдельных регионов является задачей последующего исследования.

В целом изменения в степени значимости содержательных характеристик репутации региональной власти иллюстрируют достаточно закономерную логику, свидетельствующую о восприятии региональной власти в сравнении с российской как более близкой населению, с повышением внимания к ее работе по решению местных проблем (что проявляется в возрастании роли характеристик деятельностного блока).

Таким образом, результаты изучения содержательного ядра репутации региональной исполнительной власти и репутации российской власти в целом свидетельствуют о высокой степени их тождественности, преобладании ценностного наполнения (институциональных характеристик) при усилении внимания к прагматическому (большая значимость деятельностных характеристик).

6. Историко-культурные характеристики концепта «репутация региональной исполнительной власти».

Данные характеристики, включенные в концептуальное поле репутации власти на основе экспертного мнения, для региональной исполнительной власти были уточнены в части большей степени выраженности следующих из них: персонификация, близость к населению («своя власть»), необходимость защиты интересов региона (и, соответственно, граждан) — патернализм. Как отмечалось ранее, возможность включения этих характеристик в репутационное ядро подлежит дополнительному исследованию.

Аккумулируя всю изложенную информацию, можем представить содержание ядра концепта «репутация региональной исполнительной власти» (рис. 2), выделив его особенности по сравнению с репутационным ядром российской власти в целом. Характеристики, имеющие более высокую / низкую степень значимости, интенсивности их проявления по сравнению с репутационными характеристиками российской власти (динамичные характеристики), отмечены соответствующим знаком «больше» (>) или «меньше» (<). Если данная динамика отмечена только экспертами, то рядом с характеристикой стоит значок «Э». Устойчивые характеристики, сохраняющие свое значение на уровне как российской, так и региональной исполнительной власти, выделены жирным шрифтом. Чтобы не перегружать визуальное восприятие, характеристики дальней и крайней периферии в рисунок включены не были.

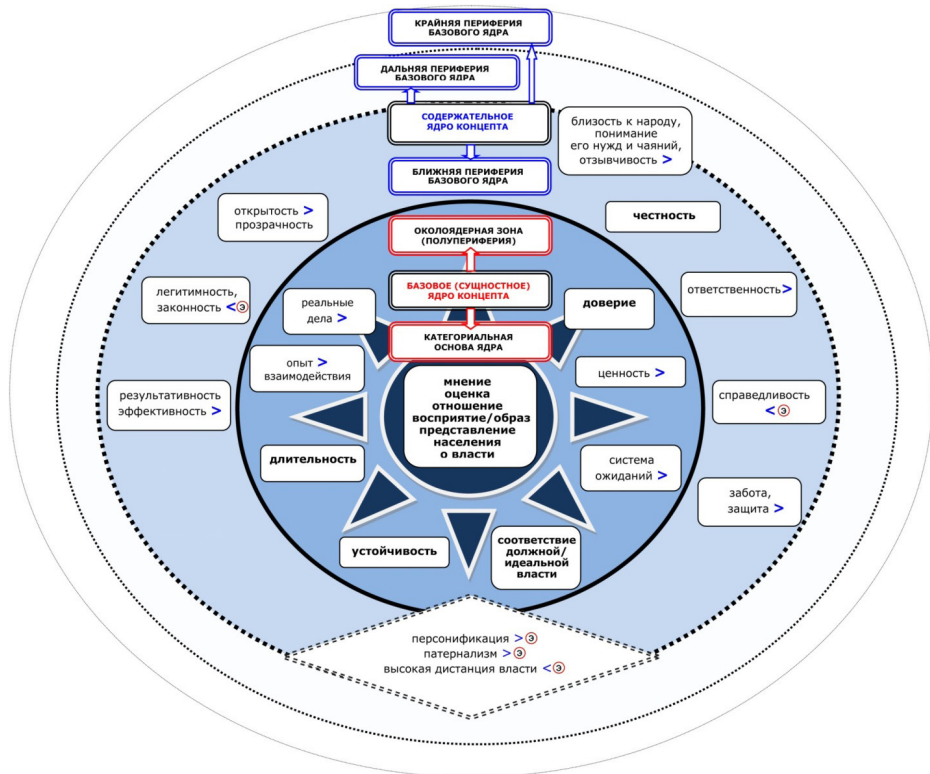

Рис. 2. Особенности репутационного ядра региональной исполнительной власти

Таким образом, для региональной власти важным является, во-первых, понимание высокой взаимосвязи и взаимозависимости формирования ее репутации от репутации иных субъектов публичной власти, что диктует необходимость выстраивания собственной деятельности, ее информационного сопровождения с учетом соответствующей «подстройки» или «отстройки» (в зависимости от положительной / отрицательной повестки) от иных субъектов власти. Во-вторых, важно правильно расставлять акценты в реализации государственной политики с учетом как собственно «наполнения» репутационного ядра определенными характеристиками (и его специфики в зависимости от региона), так и приоритета его ценностного блока. Например, те же результаты работы власти нужно информационно встраивать в запрос граждан на честность, справедливость и т. п. В-третьих, следует подчеркивать те особенности, которые больше востребованы на региональном уровне, например обеспечивая более высокий уровень прозрачности, открытости.

Выводы

Итак, сделаем основные выводы относительно степени подтверждения рабочих гипотез исследования по экспертному обоснованию и с учетом общественного мнения.

1. Ядро концепта «репутация власти» является принципиально единым для концептов «репутация российской власти» и «репутация региональной исполнительной власти». Об этом свидетельствует преобладание интегрирующих признаков как в базовом, так и в содержательном ядре (периферии базового) обоих концептов.

При этом для региональной исполнительной власти характерна меньшая устойчивость характеристик ближней периферии и большая динамичность характеристик дальней и крайней периферии (особенно на уровне конкретных регионов), что проявляется в иной, преимущественно более высокой степени значимости ряда из них. По результатам как экспертного, так и общественного мнения в базовом ядре (околоядерной зоне или полупериферии) репутации региональной исполнительной власти ярче выражены: ценностная основа отношения к власти, более требовательная система ожиданий от власти, значимость личного опыта взаимодействия, восприятие власти по реальным делам. В характеристиках ближней и дальней периферии содержательного ядра это ответственность; забота о народе, его защита; близость к народу, понимание нужд и чаяний народа, отзывчивость; коммуникация, взаимодействие с населением, открытость, прозрачность; результативность / эффективность; эффективность управления ресурсами, расходования бюджетных средств. Таким образом, для концепта «репутация региональной исполнительной власти» дифференцирующие признаки как таковые отсутствуют, меняется степень интенсивности проявления интегрирующих признаков.

2. Содержательное ядро концепта «репутация власти» является единым в части выделения двух блоков: институционального и деятельностного. Экспертами не выделено иных по сравнению с характеристиками репутации российской власти содержательных характеристик репутации региональной исполнительной власти. В целом по результатам как экспертного, так и общественного мнения сохраняется преобладание ценностного содержания репутации над прагматическим, при некотором увеличении роли последнего.

3. Содержание концепта «репутация региональной исполнительной власти» (и, соответственно, ее репутационного ядра) напрямую не зависит от уровня развития региона, при этом в каждом регионе есть свои особенности общественного мнения, определяющие специфику «наполнения» репутации при сохранении принципиально единого взгляда на ее содержание. Следовательно, гипотеза о возможной разнице в его «наполнении» жителями двух групп равноуровневых регионов подтвердилась в части определения своеобразия общественного мнения, зависящего от каждого конкретного региона. В данной связи дальнейшее исследование связано с выявлением единого/особенного «наполнения» репутационного ядра российской и региональной исполнительной власти сущностными чертами и содержательными характеристиками с учетом следующих факторов его формирования, определяющих специфику регионального пространства: национального (моно/многонациональный состав региона), религиозного (моно/многоконфессиональный), «столица — провинция».

Таким образом, разработана, эмпирически обоснована и уточнена теоретическая модель исследования репутации российской власти, определена структура ее концептуального поля, выявлены особенности содержания репутации региональной исполнительной власти в ее сравнении с репутацией российской власти в целом. С учетом нового, не являвшегося ранее самостоятельным, предмета научного исследования — репутация сложных комплексных институциональных субъектов (российская власть в целом и региональная исполнительная власть), разработан ряд методологических положений репутационного подхода к изучению российской власти исходя из междисциплинарности феномена репутации.

Полагаем, что исследование единого концепта «репутация власти» также представляет интерес в свете введения в Конституцию Российской Федерации категории «публичная власть». Принцип единой системы публичной власти, задающий новый тренд конституционного развития страны, связывают с созданием потенциала для ее эффективной организации и осуществления на всех уровнях (федеральном, региональном, муниципальном) в интересах граждан. В то же время отмечается, что

тандему государственной и муниципальной властей необходим триумвират с властью гражданского общества [67]. В данной связи существует высокий потенциал прикладного значения исследования репутации власти, отражающего ценностное отношение к ней граждан на основе как уже полученных результатов, так и дальнейших перспектив.

Управление репутацией включает в себя преодоление разрыва между желаемым и реальным [68, р. 7]. Понимание приоритетов желаемого содержательного наполнения репутации позволит органам власти более целенаправленно выстраивать соответствующую репутационную политику, определять приоритеты как в собственной деятельности, так и в системе ее информационно-аналитического сопровождения и продвижения с учетом ориентации на ожидания населения, что будет способствовать повышению социальной эффективности власти, доверия к ней граждан.

В завершение также заметим, что в силу диффузности структуры концепта, постоянно взаимодействующего с другими концептами, он приобретает новые смыслы и утрачивает старые [55, с. 115—116]. Представленное концептуальное поле, структура репутационного ядра региональной исполнительной власти (равно как и репутации российской власти в целом) являются гипотетической исследовательской моделью с определением наиболее и наименее значимых в системе концепта смыслов, перечислением их признаков и определением их места в структуре концепта.

Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ, в рамках государственного задания (исследовательские проекты в сфере социально-политических наук). Тема проекта «Репутационное ядро российской власти: региональные особенности и факторы формирования». Код (шифр) научной темы FEMF-2022-0002; рег. номер 1022061600080-0-5.4.1;5.6.2; соглашение № 075-03-2022-181/2.

Список литературы

1. Патрушев, С. В., Айвазова, С. Г., Кертман, Г. Л., Кучинов, А. М., Мирясова, О. А., Недяк, И. Л., Павлова, Т. В., Панов, Л. Г., Филиппова, Л. Е. 2019, Институциональный анализ политического пространства в России: предварительные результаты, *Россия реформирующаяся*, № 17, с. 527—571, <https://doi.org/10.19181/ezheg.2019.22>.
2. Руженцев, С. Е. 2016, Нравственное сознание российского общества и демократизация политической системы, *Общество: философия, история, культура*, № 12, с. 41—46.
3. Грин, Р. 2003, *48 законов власти*, пер. с англ. Е. Я. Мигуновой, М., РИПОЛ КЛАССИК, 576 с.
4. Terry, R. Bacon. 2011, *The Elements of Power. Lessons on Leadership and Influence*, New York, AMACOM American Management Association, 306 p.
5. Газарян, К. 2021, Честное имя. Почему в нашей стране нет института репутации и когда он возникнет, *Сноб*, 21 января, URL: <https://kiozk.ru/article/cestnoe-ima-pocemu-v-nasej-strane-net-instituta-reputacii-i-kogda-on-vozniknet> (дата обращения: 05.09.2022).
6. Сурхайханов, М. М. 2019, Уничтожение репутации лидера в киберпространстве: влияние имиджевых ошибок и внешних тактик, *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*, т. 25, № 3, с. 94—116, <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2019-25-3-94-116>.
7. Zavattaro, S., Eshuis, J. 2021, Public Administration in the Reputation Era: A Conceptual Exploration, *Public Administration Quarterly*, vol. 45, № 4, p. 418—438, <https://doi.org/10.37808/paq.45.4.4>.
8. Chmielewski, P. 2010. New institutionalism: A platform for productive integration in social science, *Warsaw forum of economic sociology*, vol. 1, № 1, p. 9—88.
9. March, J. G., Olsen, J. P. 1984, The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life, *American Political Science Review*, № 78, p. 734—749, <https://doi.org/10.1017/S0003055406272563>.

10. Шмерлина, И. А. 2016, «Институциональная логика»: критический анализ направления, *Социологический журнал*, 2016, т. 22, № 4, с. 110—138, <https://doi.org/10.19181/socjour.2016.22.4.4812>.
11. Haveman, H. A., Gualtieri, G. 2016, Institutional logics. In Aldag, R. (ed.), *Oxford Research Encyclopedia of Business and Management*, Oxford University Press, p. 1—34, <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190224851.013.137>.
12. Кузнецов, А. М. 2014, «Новый институционализм»: взгляд через призму дискурсивного анализа, *МЕТОД*, № 4, с. 203—227.
13. Радаев, В. В. 2001, Новый институциональный подход: построение исследовательской схемы, *Журнал социологии и социальной антропологии*, т. 4, № 3, с. 109—130.
14. Ирхин, Ю. В. 2017, Системный анализ теоретических методов изучения политики, *Социально-гуманитарные знания*, № 4, с. 33—48.
15. Hall, P. A., Taylor, R. C. R. 1996, Political science and three new institutionalisms, *Political studies*, XLIV, p. 936—957.
16. Патрушев, С. В. 2001, Институционализм в политической науке: этапы, течения, идеи, проблемы, *Политическая наука*, № 2, с. 146—186.
17. Матвеев, А. А. 2021, Прошлое, настоящее и будущее неинституционального подхода в политической науке, *Управленческое консультирование*, № 5 (149), с. 45—62, <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-5-45-62>.
18. Тамбовцев, В. Л. 2015, Институты в социологии, политологии и правоведении: взгляд экономиста, *Общественные науки и современность*, № 1, с. 115—126.
19. Schmidt, V. 2009, Comparative Institutional Analysis, In: Landman, T., Robinson, N., *The Sage Handbook of Comparative Politics*, New Delhi, Singapore: SAGE Publications Ltd, p. 125—143, <https://doi.org/10.4135/9780857021083.n8>.
20. Панов, П. В. 2015, Институционализм(ы): объяснительные модели и причинность, *Полис. Политические исследования*, № 3, с. 39—55, <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.03.09>.
21. Барбашин, М. Ю. 2014, Методологические возможности «Блумингтонской школы» и перспективы развития современного неинституционализма, *Журнал социологии и социальной антропологии*, т. 17, № 1, с. 98—111.
22. Patel, R. 2020, *Informal Institutions And Development, Publicly Accessible Penn Dissertations*, 3892, URL: <https://repository.upenn.edu/edissertations/3892> (дата обращения: 02.09.2022).
23. Бородушко, И. В., Кокорин, И. С. 2020, Институт деловой репутации субъектов хозяйственной деятельности: взаимосвязь правовых и экономических аспектов, *Ленинградский юридический журнал*, № 1 (59), с. 114—123.
24. Ковтун, О. И., Ангельская, Е. А. 2019, Институциональный подход в мировой торговле: роль и значение неформальных институтов, *ЦИТИСЭ*, № 4 (21), с. 355—368, <https://doi.org/10.15350/24097616.2019.4.34>.
25. Кручинова, Ю. О. 2020, Особенности правового регулирования института защиты чести, достоинства и деловой репутации, *Вестник экспертного совета*, № 2—3 (21—22), с. 105—109.
26. Ключина, А. А. 2012, Гражданско-правовые аспекты деловой репутации как одного из институтов гражданского права, *Вестник Международного юридического института*, № 1 (40), с. 46—56.
27. Невзгодина, Е. Л., Парыгина, Н. Н. 2018, Гражданско-правовой механизм защиты деловой репутации в России: панорамный обзор, *Lex Russica (Русский закон)*, № 1 (134), с. 57—70, <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2018.134.1.057-070>.
28. Мингазова, З. Р., Валиева, А. Р. 2018, Деловая репутация работника государственного аппарата: анализ правовой институционализации, *Экономика и управление: научно-практический журнал*, № 1 (139), с. 125—128.
29. Султанов, Е. Б. 2020, Конституционные основы единства публичной власти в Российской Федерации, *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки*, т. 162, № 2, с. 9—16, <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2020.2.9-16>.
30. Розанова, Н. Н. 2018, Концептуальные основы репутационного подхода к оценке эффективности власти на уровне региона, *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, т. 20, № 3, с. 334—350, <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2018-20-3-334-350>.

31. Гаджиев, Х. А. 2015, Политические институты: институциональный и неинституциональный подход, *Власть*, т. 23, № 7, с. 134—140.
32. Гаджиев, Х. А., Семченков, А. С. 2020, Индекс устойчивости политической системы: опыт измерений в трех странах, *PolitBook*, № 1, с. 161—194.
33. Castilla-Polo, F. 2018, The Role of Country Reputation in Positioning Territories: A Literature Review. In: Carvalho, L., Rego, C., Lucas, M., Sánchez-Hernández, M., Noronha, A. (eds.), *Entrepreneurship and Structural Change in Dynamic Territories. Studies on Entrepreneurship, Structural Change and Industrial Dynamics*, Springer, Cham, p. 53—72, https://doi.org/10.1007/978-3-319-76400-9_4.
34. Bjørnå, H. 2021, Reputational assets for local political leadership, *Heliyon*, vol. 7, № 8, e07800, <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2021.e07800>.
35. Ледяев, В. Г., Ледяева, О. М. 2002, Репутационный метод в эмпирических исследованиях власти в городских сообществах, *Журнал социологии и социальной антропологии*, т. 5, № 4, с. 164—177.
36. Bustos, E. O. 2021, Organizational Reputation in the Public Administration: A Systematic Literature Review, *Public Administration Review*, vol. 81, № 2, p. 731—751, <https://doi.org/10.1111/puar.13363>.
37. Luoma-aho, V. 2008, Sector reputation and public organizations, *International Journal of Public Sector Management*, vol. 21, № 5, p. 446—467, <https://doi.org/10.1108/09513550810885778>.
38. Carpenter, D. P., Krause, G. A. 2012, Reputation and Public Administration, *Public Administration Review*, vol. 72, № 1, p. 26—32, <https://doi.org/10.1111/j.1540-6210.2011.02506.x>.
39. Maor, M. 2016, Missing areas in the bureaucratic reputation framework, *Politics and Governance*, vol. 4, № 2, p. 80—90, <https://doi.org/10.17645/pag.v4i2.570>.
40. Lee, D., Van Ryzin, G. G. 2019, Measuring bureaucratic reputation: Scale development and validation, *Governance*, vol. 32, № 1, p. 177—191, <https://doi.org/10.1111/gove.12371>.
41. Luoma-aho, V., Canel, M. J., Hakola, J. 2020, Public sector reputation and netpromoter score, *International Review on Public and Nonprofit Marketing*, vol. 18, p. 419—446, <https://doi.org/10.1007/s12208-021-00280-9>.
42. Overman, S., Busuioc, M., Wood, M. 2020, A Multidimensional Reputation Barometer for Public Agencies: A Validated Instrument, *Public Administration Review*, vol. 80, № 3, p. 415—425, <https://doi.org/10.1111/puar.13158>.
43. Lee, D., Van Ryzin, G. G. 2020, Bureaucratic reputation in the eyes of citizens: an analysis of US federal agencies, *International Review of Administrative Sciences*, vol. 86, № 1, p. 183—200, <https://doi.org/10.1177/0020852318769127>.
44. Shelin, A. R. 2020, Shifting Reputations for “Moderation”: Evidence from Qatar, Jordan, and Morocco, *Middle East Law and Governance*, vol. 12, № 1, p. 109—129, <https://doi.org/10.1163/18763375-01201002>.
45. Busuioc, M., Rimkute, D. 2020, The promise of bureaucratic reputation approaches for the EU regulatory state, *Journal of European Public Policy*, vol. 27, № 8, p. 1256—1269, <https://doi.org/10.1080/13501763.2019.1679227>.
46. Bautista-Beauchesne, N. 2021, Crafting anti-corruption agencies’ bureaucratic reputation: an uphill battle, *Crime Law and Social Change*, vol. 75, p. 297—326, <https://doi.org/10.1007/s10611-020-09928-9>.
47. Bertelli, A. M., Busuioc, M. 2021, Reputation-Sourced Authority and the Prospect of Unchecked Bureaucratic Power, *Public Administration Review*, vol. 81, № 1, p. 38—48, <https://doi.org/10.1111/puar.13281>.
48. Lee, D. 2022, Managing bureaucratic reputation in the face of crises: An experimental examination of the effect of strategic communication, *Public Administration Review*, vol. 82, № 6, p. 1124—1137, <https://doi.org/10.1111/puar.13520>.
49. Kolltveit, K., Karlsen, R., Askim, J. 2019, Understanding reputational concerns within government agencies, *Policy & Politics*, vol. 47, № 3, p. 473—493, <https://doi.org/10.1332/030557319X15579230420144>.
50. Патрушев, С. В., Филиппова, Л. Е. 2018, Институциональные проблемы конституирования политического поля и политики в современной России, *Политическая наука*, № 2, с. 14—33.

51. Скоробогачкий, В. В. 2011, Институциональные ловушки в политике, *Вопросы политологии и социологии*, № 1 (1), с. 29—40.
52. Купряшин, Г. Л. 2017, Институциональные ловушки и кризисы государственного управления, *Государственное управление. Электронный вестник*, № 60, с. 94—121.
53. Катровский, А. П., Яськова, Т. И. (ред.). 2021, «Эффект колеи»: традиционное и инновационное в развитии Смоленской области, 2021, Смоленск : Изд-во Смоленского государственного университета, 172 с.
54. Гельман, В. Я. 2016, Политические основания «Недостойного правления» в постсоветской Евразии (переосмысливая исследовательскую повестку дня), *Полития*, № 3 (82), с. 90—114.
55. Семененко, И. С. 2011, Политическая идентичность в контексте политики идентичности, *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, т. 7, № 2, с. 5—24.
56. Масленников, Е. В. 2011, Принципы формирования концептуальной модели предмета исследования в методологическом контексте социологического измерения, *Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология*, № 3, с. 116—133.
57. Верминенко, Ю. В. 2012, Применение метода экспертного опроса в диагностике конструирования социальных проблем в дискурсе власти: на примере проблем наркотизации и алкоголизации в российском обществе, *Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования*, № 1 (21), с. 60—65.
58. Калмыков, Н. Н., Краснопольский, И. А. 2016, Реформирование системы государственной службы Российской Федерации, *Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество)*, № 2, с. 44—61.
59. Масленников, Е. В. 2010, Особенности отбора экспертов, *Социология*, № 2, с. 82—93.
60. Масленников, Е. В. 2017, Возможности использования экспертного знания в качестве источника концепций развития организаций, *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*, т. 23, № 2, с. 229—249, <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2017-23-2-229-249>.
61. Gemenis, K. 2015, An iterative expert survey approach for estimating parties' policy positions, *Qual Quant*, vol. 49, p. 2291—2306, <https://doi.org/10.1007/s11135-014-0109-5>.
62. Ehrenbrink, P. 2020, Expert Survey — Triggers for State Reactance. In: *The Role of Psychological Reactance in Human—Computer Interaction. T-Labs Series in Telecommunication Services*, Springer, Cham., p. 45—49, https://doi.org/10.1007/978-3-030-30310-5_5.
63. Григорьева, Л. М., Зубаревич, Н. В., Хасаева, Г. Р. 2011, *Российские регионы: экономический кризис и проблемы модернизации*, М., ТЕИС, 357 с.
64. Попова, З. Д., Стернин, И. А. 2007, *Когнитивная лингвистика*, М., АСТ, Восток-Запад, 315 с.
65. Касаткина, Е. А. 2010, Концептуальное поле феномена «власть»: структура и общая характеристика, *Научная мысль Кавказа*, № 1, с. 123—128.
66. Eisenegger, M. 2009, Trust and reputation in the age of globalization, In: Klewes, J., Wreischniok, R. (eds.), *Reputation Capital. Building and Maintaining Trust in the 21st Century*, Springer-Verlag, Berlin-Heidelberg, p. 11—22, https://doi.org/10.1007/978-3-642-01630-1_2.
67. Чертков, А. Н. 2020, Публичная власть: состав, единство и сущность взаимодействия, *Конституционное и муниципальное право*, № 10, с. 19—23, <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-10-19-23>.
68. Wæraas, A., Byrkjeflot, H. 2012, Public Sector Organisations and Reputation Management: Five Problems. *International Public Management Journal*, vol. 15, p. 186—206, <https://doi.org/10.1080/10967494.2012.702590>.

Об авторе

Розанова Нина Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры менеджмента, Смоленский государственный университет, Россия.

E-mail: rozznina@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7243-8197>

REPUTATION CORE OF RUSSIAN AUTHORITIES: THE CASE OF THE REGIONAL LEVEL OF EXECUTIVE POWER

N. N. Rozanova

Smolensk State University,
Przhevalskogo St., Smolensk, 4214000, Russia

Received 27 September 2022

Accepted 27 December 2022

doi: 10.5922/2079-8555-2023-1-4

© Rozanova, N. N., 2023

The importance of studying the reputation of authorities is connected, on the one hand, with the formation of a consolidated system of political power and, on the other hand, with the highly social orientation of the category of the ‘reputation of authorities’, reflecting the value-based attitude of citizens towards them. The article presents the results of research aimed at the analysis of the reputation of Russian authorities, with a special focus on the regional branch of executive power. The paper examines the reputation of Russian authorities of different levels and branches using the example of regional executive bodies. The author determines the structure and features of the reputation core of the conceptual category ‘Russia’s authorities’ understood both as federal and municipal authorities of the Russian Federation as a whole. The article also offers a comparison of the reputation core of regional executive authorities with that of ‘Russia’s authorities’ in general. The methods used in this research are expert assessment and population surveys conducted in six regions of Central Russia. The study has revealed the main characteristics constituting the reputation core of executive authorities and described their specificity in different regions. Based on the results of the theoretical and empirical analyses, the author proposes a novel approach to defining the structure of the reputation core characteristic of the federal and regional executive authorities. The reputation core is a multi-component conceptual construct dominated by several integrating characteristics such as honesty, responsibility, justice, concern for and protection of citizens. No differences in the structure of the reputation core of the federal and regional executive authorities have been identified. However, the degree to which these characteristics manifest themselves varies. The reputation of regional authorities is assessed based on a system of values, expectations and the results of their work with the federal centre, citizens’ experience of communication with regional authorities and the assessment of their activity. The reputation of the regional executive authorities is characterised by lesser stability of the conceptual characteristics of the near periphery and greater dynamism of the outer conceptual boundaries, especially in specific regions.

Keywords:

reputation of authorities, reputation core, Russian authorities, regional executive authorities, concept, conceptual domain

References

1. Patrushev, S. V., Aivazova, S. G., Kertman, G. L., Kuchinov, A. M., Miryasova, O. A., Nedyak, I. L., Pavlova, T. V., Panov, L. G., Filippova, L. E. 2019, Institutional analysis of the political space in Russia: preliminary research results. *Rossiia reformiruyushchayasya* [Russia is reforming], № 17, p. 527 – 571, <https://doi.org/10.19181/ezheg.2019.22> (in Russ.).
2. Ruzhentsev, S. E. 2016, The moral identity of the russian society and democratization of the political system, *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* [Society: philosophy, history, culture], № 12, p. 41 – 46 (in Russ.).

To cite this article: Rozanova, N. N. 2023, Reputation core of Russian authorities: the case of the regional level of executive power, *Balt. Reg.*, Vol. 15, № 1, p. 52–77. doi: 10.5922/2079-8555-2023-1-4.

3. Greene, R. 2003, *The 48 laws of power*, M.: RIPOL CLASSIC, 576 p. (in Russ.).
4. Terry, R. Bacon. 2011, *The Elements of Power. Lessons on Leadership and Influence*, New York: AMACOM American Management Association, 306 p.
5. Gazaryan, K. 2021, Honest name. Why there is no reputation institution in our country and when it will arise, *Setevoe izdanie "Snob"* [Online publication "Snob"], January 21, URL: <https://kiozk.ru/article/cestnoe-ima-pocemu-v-nasej-strane-net-instituta-reputacii-i-kogda-on-vozniknet> (accessed 05.09.2022) (in Russ.).
6. Surkhaikhanov, M.M. 2019, The destruction of a reputation as a leader in cyberspace: the impact of image errors and external attacks, *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, vol. 25, № 3, p. 94—116, <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2019-25-3-94-116> (in Russ.).
7. Zavattaro, S., Eshuis, J. 2021, Public Administration in the Reputation Era: A Conceptual Exploration, *Public Administration Quarterly*, vol. 45, № 4, p. 418—438, <https://doi.org/10.37808/paq.45.4.4>.
8. Chmielewski, P. 2010. New institutionalism: A platform for productive integration in social science, *Warsaw forum of economic sociology*, vol. 1, № 1, p. 9—88.
9. March, J.G., Olsen, J.P., 1984, The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life, *American Political Science Review*, № 78, p. 734—749, <https://doi.org/10.1017/S0003055406272563>.
10. Shmerlina, I.A. 2016, "Institutional logics": critical analysis of the direction? *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*, vol. 22, № 4, p. 110—138, <https://doi.org/10.19181/socjour.2016.22.4.4812> (in Russ.).
11. Haveman, H.A., Gualtieri, G. 2016, Institutional logics. In Aldag, R. (ed.), *Oxford Research Encyclopedia of Business and Management*, Oxford University Press, p. 1—34, <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190224851.013.137>.
12. Kusnetsov, A.M. 2014, New institutionalism through the prism of discourse analysis, *METOD [METHOD]*, № 4, p. 203—227 (in Russ.).
13. Radaev, V. 2001, Perspective of the new institutionalism: constructing an analytical scheme, *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii [The journal of sociology and social anthropology]*, vol. 4, № 3, p. 109—130 (in Russ.).
14. Irhin, Y.V. 2017, System analysis of the theoretical methods to study of politics, *Social'no-gumanitarnye znaniya [Social and humanitarian knowledge]*, № 4, p. 33—48 (in Russ.).
15. Hall, P.A., Taylor, R.C.R. 1996, Political science and three new institutionalisms, *Political studies*, XLIV, p. 936—957.
16. Patrushev, S.V. 2001, Institutionalism in Political science: stages, trends, ideas, problems, *Politicheskaya nauka [Political Science]*, № 2, p. 146—186 (in Russ.).
17. Matveev, A.A. 2021, Past, present and future of the neoinstitutional approach in political science, *Administrative Consulting*, № 5, p. 45—62, <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-5-45-62> (in Russ.).
18. Tambovtsev, V.L. 2015, Institutes in sociology, political science and law: an economist's view, *Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social sciences and contemporary world]*, № 1, p. 115—126 (in Russ.).
19. Schmidt, V. 2009, Comparative Institutional Analysis, In: Landman, T., Robinson, N., *The Sage Handbook of Comparative Politics*, New Delhi, Singapore: SAGE Publications Ltd, p. 125—143, <https://doi.org/10.4135/9780857021083.n8>.
20. Panov, P.V. 2015, Institutionalism(s): explanatory models and causality, *Polis. Political Studies*, № 3, p. 39—55, <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.03.09> (in Russ.).
21. Barbashin, M. 2014, The formation of the "Bloomington school": methodological opportunities and perspectives of contemporary new institutionalism development, *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii [The journal of sociology and social anthropology]*, vol. 17, № 1, p. 98—111 (in Russ.).
22. Patel, R. 2020, *Informal Institutions And Development, Publicly Accessible Penn Dissertations*, 3892, URL: <https://repository.upenn.edu/edissertations/3892> (accessed 02.09.2022).
23. Borodushko, I.V., Kokorin, I.S. 2020, Institute of business reputation of economic entities: interrelation of legal and economic aspects, *Leningradskiy yuridicheskij zhurnal [Leningrad Law Journal]*, № 1 (59), p. 114—123 (in Russ.).

24. Kovtun, O. I., Angelskaya, E. A. 2019, Institutional approach in world trade: the role and importance of informal institutes, *CITISE*, №4 (21), p. 355–368, <https://doi.org/10.15350/24097616.2019.4.34> (in Russ.).
25. Kruchinova, J. 2020, Features of legal regulation, institution of protection of honor, dignity and business reputation of citizens, *Vestnik ekspertnogo soveta* [Bulletin of the Expert Council], №2–3, p. 105–109 (in Russ.).
26. Klyushina, A. A. 2012, Civil law aspects of business reputation as one of the institutions of civil law, *Vestnik Mezhdunarodnogo yuridicheskogo instituta* [Bulletin of the International Law Institute], №1 (40), p. 46–56 (in Russ.).
27. Nevzgodina, E. L., Parygina, N. N. 2018, Civil law mechanism of protection of business reputation in Russia: a comprehensive review, *Lex Russica*, №1 (134), p. 57–70, <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2018.134.1.057-070> (in Russ.).
28. Mingazova, Z. R., Valieva, A. R. 2018, Business Reputation of an Employee of the Government: the Analysis of the Legal Institutionalization, *Ekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskij zhurnal* [Economics and Management: a scientific and practical journal], №1 (139), p. 125–128 (in Russ.).
29. Sultanov, E. B. 2020, Constitutional grounds for the unity of public authorities in the Russian Federation, *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, vol. 162, №2, p. 9–16, <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2020.2.9-16> (in Russ.).
30. Rozanova, N. N. 2018, Conceptual basis of the reputational approach to evaluating the efficiency of power at the regional level, *RUDN Journal of Political Science*, vol. 20, №3, p. 334–350, <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2018-20-3-334-350>.
31. Gadzhiev, Kh. A. 2015, Political institutes: institutional and neoinstitutional approaches, *Vlast' [Power]*, vol. 23, №7, p. 134–140 (in Russ.).
32. Gadzhiev, Kh. A., Semchenkov, A. S. 2020, Political system sustainability index: experience of measurements in three countries, *PolitBook*, №1, p. 161–194 (in Russ.).
33. Castilla-Polo, F. 2018, The Role of Country Reputation in Positioning Territories: A Literature Review. In: Carvalho, L., Rego, C., Lucas, M., Sánchez-Hernández, M., Noronha, A. (eds.), *Entrepreneurship and Structural Change in Dynamic Territories. Studies on Entrepreneurship, Structural Change and Industrial Dynamics*, Springer, Cham, p. 53–72, https://doi.org/10.1007/978-3-319-76400-9_4.
34. Bjørnå, H. 2021, Reputational assets for local political leadership, *Heliyon*, vol. 7, №8, e07800, <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2021.e07800>.
35. Ledyayev, V., Ledyayeva, O. 2002, Reputational method in community power studies, *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The journal of sociology and social anthropology], vol. 5, №4, p. 164–177 (in Russ.).
36. Bustos, E. O. 2021, Organizational Reputation in the Public Administration: A Systematic Literature Review, *Public Administration Review*, vol. 81, №2, p. 731–751, <https://doi.org/10.1111/puar.13363>.
37. Luoma-aho, V. 2008, Sector reputation and public organizations, *International Journal of Public Sector Management*, vol. 21, №5, p. 446–467, <https://doi.org/10.1108/09513550810885778>.
38. Carpenter, D. P., Krause, G. A. 2012, Reputation and Public Administration, *Public Administration Review*, vol. 72, №1, p. 26–32, <https://doi.org/10.1111/j.1540-6210.2011.02506.x>.
39. Maor, M. 2016, Missing areas in the bureaucratic reputation framework, *Politics and Governance*, vol. 4, №2, p. 80–90, <https://doi.org/10.17645/pag.v4i2.570>.
40. Lee, D., Van Ryzin, G. G. 2019, Measuring bureaucratic reputation: Scale development and validation, *Governance*, vol. 32, №1, p. 177–191, <https://doi.org/10.1111/gove.12371>.
41. Luoma-aho, V., Canel, M. J., Hakola, J. 2020, Public sector reputation and netpromoter score, *International Review on Public and Nonprofit Marketing*, vol. 18, p. 419–446, <https://doi.org/10.1007/s12208-021-00280-9>.
42. Overman, S., Busuioc, M., Wood, M. 2020, A Multidimensional Reputation Barometer for Public Agencies: A Validated Instrument, *Public Administration Review*, vol. 80, №3, p. 415–425, <https://doi.org/10.1111/puar.13158>.
43. Lee, D., Van Ryzin, G. G. 2020, Bureaucratic reputation in the eyes of citizens: an analysis of US federal agencies, *International Review of Administrative Sciences*, vol. 86, №1, p. 183–200, <https://doi.org/10.1177/0020852318769127>.

44. Shelin, A. R. 2020, Shifting Reputations for “Moderation”: Evidence from Qatar, Jordan, and Morocco, *Middle East Law and Governance*, vol. 12, № 1, p. 109—129, <https://doi.org/10.1163/18763375-01201002>.

45. Busuioac, M., Rimkute, D. 2020, The promise of bureaucratic reputation approaches for the EU regulatory state, *Journal of European Public Policy*, vol. 27, № 8, p. 1256—1269, <https://doi.org/10.1080/13501763.2019.1679227>.

46. Bautista-Beauchesne, N. 2021, Crafting anti-corruption agencies’ bureaucratic reputation: an uphill battle, *Crime Law and Social Change*, vol. 75, p. 297—326, <https://doi.org/10.1007/s10611-020-09928-9>.

47. Bertelli, A. M., Busuioac, M. 2021, Reputation-Sourced Authority and the Prospect of Unchecked Bureaucratic Power, *Public Administration Review*, vol. 81, № 1, p. 38—48, <https://doi.org/10.1111/puar.13281>.

48. Lee, D. 2022, Managing bureaucratic reputation in the face of crises: An experimental examination of the effect of strategic communication, *Public Administration Review*, vol. 82, № 6, p. 1124—1137, <https://doi.org/10.1111/puar.13520>.

49. Kolltveit, K., Karlsen, R., Askim, J. 2019, Understanding reputational concerns within government agencies, *Policy & Politics*, vol. 47, № 3, p. 473—493, <https://doi.org/10.1332/030557319X15579230420144>.

50. Patrushev, S. V., Philippova, L. Y. 2018, Institutional problems of the constitution of political field and politics in contemporary Russia, *Politicheskaya nauka* [Political Science], № 2, p. 14—33 (in Russ.).

51. Skorobogatkiy, V. V. 2011, Institutional traps in politics, *Voprosy politologii i sociologii* [Questions of political science and sociology], № 1, p. 29—40 (in Russ.).

52. Kupryashin, G. L. 2017, Institutional pitfalls and public administration crises, *Public Administration E-Journal*, № 60, p. 94—121 (in Russ.).

53. Katrovsky, A. P., Yaskova, T. I. 2021, “Effekt kolei”: traditsionnoe i innovatsionnoe v razvitiy Smolenskoj oblasti [“Path-dependence” traditional and innovative in the development of the Smolensk region], Smolensk: Publishing House of Smolensk State University, 172 p. (in Russ.).

54. Gelman, V. Ya. 2016, Political foundations of “Bad governance” in post-Soviet Eurasia (rethinking the research agenda), *Politiya* [Polity], № 3 (82), p. 90—114, URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/2016_03_05.pdf (accessed 05.08.2022) (in Russ.).

55. Semenenko, I. S. 2011, Political identity and identity politics, *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS* [Political expertise: POLITEX], vol. 7, № 2, p. 5—24 (in Russ.).

56. Maslennikov, E. V. 2010, Principles of forming a conceptual model of research subject in methodological context of sociological measurement, *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, № 3, p. 116—133 (in Russ.).

57. Verminenko, Yu. V. 2012, Application of the expert survey method in the diagnosis of the construction of social problems in the discourse of power: on the example of the problems of drug addiction and alcoholization in Russian society, *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Novye gumanitarnye issledovaniya* [Bulletin of the Orel State University. Series: New Humanitarian Studies], № 1 (21), p. 60—65 (in Russ.).

58. Kalmykov, N. N., Krasnopolskiy, I. A. 2016, Reforming the Russian civil service, *Moscow University Bulletin. Series 21. Public administration*, № 2, p. 44—61 (in Russ.).

59. Maslennikov, E. V. 2010, Features of selection of experts, *Sociologiya* [Sociology] № 2, p. 82—93, URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-otbora-ekspertov> (accessed 10.07.2021) (in Russ.).

60. Maslennikov, E. V. 2017, Opportunities of use of expert knowledge as the source of concepts of development of the organizations, *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, vol. 23, № 2, p. 229—249, <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2017-23-2-229-249> (in Russ.).

61. Gemenis, K. 2015, An iterative expert survey approach for estimating parties’ policy positions, *Qual Quant*, vol. 49, p. 2291—2306, <https://doi.org/10.1007/s11135-014-0109-5>.

62. Ehrenbrink, P. 2020, Expert Survey — Triggers for State Reactance. In: *The Role of Psychological Reactance in Human—Computer Interaction. T-Labs Series in Telecommunication Services*, Springer, Cham., p. 45—49, https://doi.org/10.1007/978-3-030-30310-5_5.

63. Grigoriev, L. M., Zubarevich, N. V., Khasaeva, G. R. 2011, *Rossijskie regiony: ekonomicheskij krizis i problemy modernizacii*, M.: TEIS, 357 p. (in Russ.).

64. Popova, Z. D., Sternin, I. A. 2007, *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics], M.: AST, East-West, 315 p. (in Russ.).

65. Kasatkina, E. 2010, The conceptual field of the phenomenon "power": structure and characteristic, *Scientific thought of the Caucasus*, № 1, p. 123—128 (in Russ.).

66. Eisenegger, M. 2009, Trust and reputation in the age of globalization, In: Klewes, J., Wreschniok, R. (eds.), *Reputation Capital. Building and Maintaining Trust in the 21st Century*, Springer-Verlag, Berlin-Heidelberg, p. 11—22, https://doi.org/10.1007/978-3-642-01630-1_2.

67. Chertkov, A. N. 2020, The public government: the composition, unity and interaction essence, *Constitutional and municipal law*, № 10, p. 19—23, <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-10-19-23> (in Russ.).

68. Wæraas, A., Byrkjeflot, H. 2012. Public Sector Organisations and Reputation Management: Five Problems. *International Public Management Journal*, vol. 15, p. 186—206, <https://doi.org/10.1080/10967494.2012.702590>.

The author

Dr Nina N. Rozanova, Associate Professor, Department of Management, Smolensk State University, Russia

E-mail: rozznina@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7243-8197>